

Звезды являются вершинами неких волшебных треугольников. Какие далекие и непохожие друг на друга существа, живущие в разных обителях вселенной, одновременно созерцают одну и ту же звезду!

Генри Дэвид Торо¹

Астрология — как гравитация. Не нужно в нее верить, чтобы испытать на себе ее силу.

Zolar's Starmates

Никакое стремление на Земле, ни любовь, ни ненависть, не сравнятся по силе с жаждой исправить чужой черновик.

Герберт Джордж Уэллс

---

¹ «Уолден, или Жизнь в лесу», перевод Александровой Екатерины Юрьевны.

ВОДОЛЕЙ

Николас Джордан был рожден не под звездным небом, а в родильном отделении госпиталя Эденвейл — скромном здании из красного кирпича на самой окраине городка, в котором всего-то и было, что четыре паба, один бассейн, шесть благотворительных обществ и ни одного банка. Да еще и проблемы с водой, каждое лето вызывающие бурное возмущение жителей. Госпиталь окружали клумбы ярко-розовых бугенвиллий, чередующиеся с прямоугольниками жухлого газона, и в момент рождения крошки Ника небо над его раскаленной жестяной крышей ослепляло голубишной, что типично для февраля в южном полушарии.

Но звезды все же *были* там. Высоко, над безоблачной тропосферой, над озоновым покрывалом стратосферы, над мезосферой и термосферой, ионосферой, экзосферой и магнитосферой сияли звезды. Миллионы точек, рассыпанных в чернильной темноте и составляющих определенные сочетания, которые навсегда оставят след в судьбе Николаса Джордана.

Джоанна Джордан — Овен, владелица парикмахерского салона «Лучшие стрижки Эденвейла», невероятно результативная нападающая нетбольшой команды «Эденвейлские звезды» и двукратная обладательница титула «Мисс Эден» — в первые несколько часов после рождения сына совсем не думала о звездах. Блаженство переполняло

измотанную роженицу, расположившуюся в отдельной палате. Она вглядывалась в лицо новорожденного сына и думала о более приземленных вещах.

— У него твой нос, — шепнула женщина мужу.

И ничуть не ошиблась. Носик ее малыша был идеальной крошечной копией того носа, который она знала и любила. Носа, принадлежащего ее мужу, Марку Джордану — Тельцу, широкоплечему борцу за права австралийцев, ставшему финансовым консультантом, любителю чизкейков и неисправимому поклоннику длинных женских ножек.

— А уши — твои, — сказал Марк, внезапно ощутив, что его руки непропорционально огромны на фоне покрытой нежным темным пушком головки новорожденного сына.

И так Джоанна с Марком внимательно рассматривали сына, находя сходство между его щеками, лобиком, пальчиками на руках и ногах со множеством различных источников. Новоиспеченные родители решили, что широко расставленные глаза крохи достались ему от брата Марка, а полные выразительные губки — от матери Джоанны.

Тем не менее они не нашли, а точнее, даже не пытались искать следы влияния Беты Водолея, желтого сверхгиганта, пылающего приблизительно в 537 световых годах от Земли. Или более легкий отпечаток Туманности Улитки, не говоря уже о прочих небесных телах, входящих в созвездие Водолея, в котором Солнце находилось в момент рождения их ребенка.

Астролог, разглядев намеки судьбы в натальной карте малыша Ника в день его рождения, мог бы сказать, что этот ребенок имеет все шансы стать оригиналом, с легким уклоном в эксцентричность, творчески одаренным и заботливым человеком, но при этом настолько азартным, что его братья и сестры предпочтут есть тушеные овощи, нежели играть с ним в «Монополию». Он будет любить костюмированные вечеринки и возьмет в привычку тащить

домой всех бездомных собачек и блохастых кошечек, повстречавшихся на его пути.

Тот же астролог, скорее всего, не удержался бы от довольной улыбки, предсказывая, что с подросткового возраста Ник будет во всем доверять звездам. И ему наверняка понравится то, что его знак — Водолей, который ассоциируется с новаторским и оригинальным мышлением, а еще с летом, музыкальными фестивалями и горячими молодыми хиппи, пахнущими пачули и сексом.

Однако в день рождения Ника астролога поблизости не оказалось, и единственным человеком, который сделал астрологический прогноз новорожденному, стала подруга Джоанны Джордан Мэнди Кармайл. Мэнди — Близнецы, обаятельная ведущая прогноза погоды на местном телевидении, обладательница милых ямочек на щеках, счастливая новобрачная, горячая поклонница группы «АВВА» — появилась в госпитале как образцовая фея-крестная, сразу после работы. Ее лицо все еще скрывал толстый слой грима, а каблуки были настолько высокими, что ей с трудом удавалось семенить на них, балансируя зажатými в руках громадным плюшевым медведем и букетом тепличных хризантем. Вскоре медведь устроился в кресле, букет — в стеклянной банке с широким горлом, а Мэнди босиком стояла у кровати подруги, с бесконечной нежностью качая на руках ее первенца.

— Маленький Водолей, да? — сказала она, чувствуя, как увлажнились глаза. — Не жди, что он вырастет таким же, как вы с Марком, ладно, Джо-Джо? Водолеи совсем другие. Правда, кроха?

— Ну, спорт ему лучше бы полюбить, — шутиливо заметила Джо-Джо. — Марк уже купил теннисные ракетки.

— А он наверняка станет художником. Или танцором. Так ведь, золотко?

Мэнди просунула палец в сжимающийся кулачок крошки Ника, и на мгновение нахлынувшая нежность лишила ее дара речи. Затем она сказала:

— Джо, он прекрасен. Просто прекрасен.

К тому времени, как Мэнди вышла из госпиталя, на землю опустились сумерки и принесли с собой ветерок, такой же легкий и свежий, как и новое мечтательное настроение, охватившее ее, пока она шагала прямо по колкой траве газона — с туфлями в руках — на парковку. Небо на западе все еще было дымчато-голубым, с вкраплениями розоватых облаков, но на востоке первые нетерпеливые звездочки уже мерцали в сгущающейся синеве. Скользнув на водительское кресло, Мэнди еще долго разглядывала эти звезды. Она все еще чувствовала запах младенца.

В следующую пятницу в Керлью Корт — тупиковой улице в недавно появившейся части Эденвейла, с бордюрами вдоль тротуаров, одноэтажными домами под разноцветными металлическими крышами, стриженными газонами и саженцами эвкалипта в пластиковых напольных вазах, — Дрю Кармайкл откинулся на спину и сказал:

— Вау.

Рядом с ним, на соседском батуте, в компании двух стаканов и пустой бутылки из-под ликера «Бейлиз», лежала его жена, полуодетая, взмокшая и сияющая. Дрю — Весы, консультант по вопросам сельского хозяйства, ярый авиатор-любитель, фанат «Пинк Флойд» и непревзойденный мастер игры на воображаемой гитаре перед зеркалом — вернулся домой из двухнедельной командировки меньше часа назад и сейчас чувствовал, что его, образно говоря, поймали. Даже выжали досуха. Повезло, что соседи уехали отдохнуть на Золотое Побережье.

— М-м-м-м-м, — протянула Мэнди, с улыбкой глядя на усыпанное звездами небо. Дрю приподнялся на локте и посмотрел на жену.

Он видел тень от ямочки на щеке и чувствовал, что ее влажная кожа пахнет подвохом.

— И что это было? — спросил он, пристраивая руку на ее мягкий живот. — М?

— Извините, — заявила она с широкой ухмылкой, шлепнув его по руке, — я — замужняя дама. Не трогайте то, что вам не по зубам.

Он пощекотал ее, вызвав звонкий смешок.

— Что ты замышляешь?

— Замышляю? — переспросила она. — Замышляю? Я... просто смотрю на звезды.

Слегка нетрезвый и абсолютно счастливый, Дрю пристроил голову на сложенные руки и следом за женой устался в небо.

В эту февральскую ночь Кармайклы зачали девочку, которой предстояло родиться глубокой ночью в ноябре под знаком Стрельца. Она появится — крошечная, идеальная, и легкие прядки каштановых волос будут обрамлять ее выразительное личико. К глазам цвета ореха и подбородку с ямочкой прекрасным дополнением станут лукаво изогнутые губки — наследство от мамы. А вот брови — как и у папы — будут прямыми, почти строгими.

Астролог мог бы предсказать, что эта кроха вырастет весьма прямолинейной девушкой; задорной и в то же время с задатками перфекциониста. Она будет очень любить слова, в девять лет примет участие в конкурсе по правописанию на телевидении (и выиграет его) и приобретет привычку пристраивать карандаш за ухо. На ее ночном столике всегда будет стопка книг (законченных, наполовину прочитанных и ждущих своей очереди), и вполне возможно, среди этих книг отыщется каталог универсального магазина «Говардс Сторадж Ворлд» или «ИКЕИ», ведь организация полезного пространства в шкафу всю жизнь будет для нее сродни самому запретному наслаждению. Ее безупречную память можно будет сравнить с подробнейшей картотекой, и даже в СМС-сообщениях она всегда будет соблюдать правила орфографии и пунктуации.

Возможно, астролог, осуждающе покачивая головой, сделает еще одно довольно точное предсказание о том, что эта девочка не будет обращать особого внимания на звезды. Признаться честно, гороскопы она будет считать бессмысленным набором букв.

— Жюстин, — пробормотала Мэнди себе под нос.

— Что? — переспросил Дрю.

— Жюстин, — повторила Мэнди более отчетливо. —

Нравится?

— Кто такая Жюстин? — озадаченно спросил Дрю.

«Увидишь, — подумала Мэнди. — *Скоро увидишь*».

РЫБЫ

Ж

Шло время. Луны вращались вокруг планет. Планеты наворачивали круги вокруг ярчайших звезд. Кружились галактики. Со временем к небесным телам присоединялось все больше и больше спутников. И вот, словно по волшебству, мы увидели ее — двадцатилетнюю Жюстин Кармайкл, пятничным мартовским утром спешащую по зеленой улице в пригороде с опасно неустойчивым грузом кофе на вынос. На ней было платье с пышной юбкой в бело-зеленый горох и практически белоснежные кроссовки, на которых плясали пятна света и тени.

Улицей — в паре часов к востоку от Эденвейла — была Ренье-стрит, одна из центральных в предместьях Александрия Парк. Это был район особняков времен Федерации, многоэтажек в стиле ар-деко, цветочных магазинчиков и кафе, тот самый район, где легко можно заказать кофе по-венски в высоком стакане с длинной ложечкой впридачу и где собачьи парикмахеры специализируются на стрижках для мальтийских болонок и шотландских терьеров. Жюстин направлялась в главный офис журнала «Звезда Александрия Парк», где она работала. Официально ее должность называлась «офисный помощник», но редактор — склонный к цветистым речевым оборотам, что вовсе не сочеталось с его лаконичным стилем письма, — предпочитал называть ее «наша милая маленькая будущая

журналистка». Если бы он писал о ней статью, то назвал бы «рабочей лошадкой».

Редакция «Звезды» располагалась в приятном, обшитом деревянными панелями домике, стоящем чуть в стороне от дороги. На полной скорости миновав открытую во двор калитку, Жюстин оказалась неподалеку от самой неоднозначной скульптуры Александрия Парк — той самой звезды. Бросающаяся в глаза своим уродством, эта мозаичная скульптура размером с колесо трактора мерно покачивалась и поблескивала на вбитом в асфальт дорожки кронштейне. Ее лучи, слишком толстые и изогнутые для звезды, не отличались особой симметричностью и к тому же были усыпаны кусочками ядовито-желтой плитки и осколками сервиза в цветочек.

Тридцать лет назад, когда звезду только установили на этом месте, местные окрестили ее «желтой угрозой»¹ и неоднократно пытались найти в документах городского совета лазейку, позволяющую убрать ее с глаз долой. В те дни большинство жителей считали «Звезду» дешевой бульварной газетенкой, а ее молодого редактора Джереми Бирна — отвратительным длинноволосым недоумком. Они были твердо убеждены в том, что непутевый старший сын Винифреда Бирна не имел права устраивать редакцию своего низкопробного листка на престижной Ренье-стрит, в доме почившей матери.

Но затем в Александрия Парк смирились и с газетой, и с ее броским уличным символом, а теперь «Звезда» стала уважаемым глянцевым журналом, пишущим о политике, спорте и искусстве. Выходящий раз в месяц журнал читали не только в Александрия Парке, но и в городе, а также в других пригородных районах. И хотя сейчас Жюстин находилась даже не внизу, а скорее на подходе к карьерной

¹ «Желтая угроза» (разг.) — название 20-тонной скульптуры Рона Робертсона-Свонна «Свод». Первоначально была установлена на Городской площади Мельбурна. Из-за противоречивой оценки скульптуры она была перенесена по решению городского совета в 1980 году в парк Бэтмена.

лестнице, немало других талантливых выпускников факультета журналистики были готовы на многое, чтобы занять ее место.

В первый рабочий день ознакомительную экскурсию для Жюстин провел сам Джереми Бирн, уже не длинноволосый борец за мир во всем мире, а скорее солидный, слегка лысоватый господин. Он привел ее и к нелепой звездообразной конструкции.

— Я хотел бы, чтобы эта фигура стала и для тебя символом тех принципов бесстрашия и беспристрастности, которые легли в основу нашего славного издания, — заявил он, и Жюстин изо всех сил старалась сделать вид, что его речь о «вдохновляющих лучах» не вызвала у нее чувства неловкости, и даже изобразила на лице что-то вроде вдохновения.

Работать в «Звезде» было здорово, как редактор и обещал. Все ее коллеги любили свою работу, но и про веселье не забывали. Рождественские вечеринки можно было назвать гимном чревоугодию, и статьи в журнал писались на высочайшем уровне. Единственной проблемой, по мнению Жюстин, было то, что из такого замечательного журнала, каким была «Звезда», никто не спешил увольняться. Три журналиста работали в главном офисе, и еще один — в Канберре, и каждый из них занимал свою должность не менее десяти лет. Кандидат в штат, занимавший должность офисного помощника до Жюстин, ждал три года, прежде чем сдался и нашел работу в сфере связей с общественностью.

В тот день, когда Жюстин, пламенея щеками, стояла с Джереми Бирном перед фигурой звезды, он заверил ее, что все ожидание выпало на долю предыдущего кандидата. А она, определенно, вот-вот попадет в штат журналистов. Но прошло два года, а повышение по-прежнему ей не светило, и Жюстин иногда казалось, что ее первая статья в «Звезде» выйдет не раньше, чем один из нынешних авто-ров скончается от старости.

Жюстин спешила по дорожке, обсаженной лавандовыми кустами, прямо на ходу перехватывая поудобнее картонку с кофейными стаканчиками, чтобы свободной рукой захватить горку писем, лежащую прямо на плитках дорожки. Поднявшись на невысокое крыльцо, она толкнула дверь бедром и вошла. Еще до того, как дверь за ней успела закрыться, в холл просочился медовый голосок.

— Жюстин? Это ты?

Голос принадлежал Барбел Вайс, менеджеру по рекламе, превратившей одну из двух прекрасных, обращенных окнами к заливу, гостиных редакции «Звезды» в царство утонченности и женственности, чьим олицетворением она являлась. Когда Жюстин вошла в ее кабинет, Барбел — в брючном костюме темно-розового цвета, с золотыми локонами, уложенными в прическу, напоминающую о витрине в немецкой булочной, — не поднялась навстречу, лишь помахала в воздухе буклетом.

— Милая, отнесешь это в дизайнерский отдел, хорошо? Скажи, что шрифт для рекламы Брассингтона должен быть вот такой. Вот. Я его обвела.

— Без проблем, — сказала Жюстин, подбираясь к краю стола, чтобы Барбел могла добавить свой буклет к ее стопке.

— О, — выдала Барбел, заметив батарею кофейных стаканчиков в руках Жюстин и едва заметно нахмурившись, — ты только что от Рафаэлло. Но ты же не против заскочить туда еще разок, правда? У меня клиент через двадцать минут, и я думаю, было бы неплохо угостить его макарунами. Например... малиновыми. Спасибо, Жюстин. Ты — ангел.

В гостиной на противоположной стороне холла находился кабинет редактора, и он ничуть не был похож на комнату Барбел. Скорее, на квартиру чудовищного скопидама, собравшего стопки местных и иностранных газет высотой до колена и забившего книжные шкафы учебниками по